

РАЗНОЦВЕТНАЯ «АЗИАТЧИНА»

«Король-олень» Гоцци в постановке Американского репертуарного театра на Чеховском театральном фестивале

Независимая газета. — 1998. — 4 апр. — с. 7

Аида Нильская

ТРЕТИЙ спектакль, показанный в рамках Чеховского театрального фестиваля на сцене МХАТ Американским репертуарным театром, оказался много лучше двух первых (см. «НГ» от 28 и 31.03.98). Фьяба «Король-олень» Карло Гоцци в версии переводчика Альберта Бермеля — не новый для АРТ спектакль, ему уже немало лет, идет он на сцене АРТ в возобновленной версии.

Десятилетняя «потертость» спектакля все же не влияет на его качество. Постановочная команда «Короля-олень» подобралась почти целиком из людей, в последние годы отдающих предпочтение оперному театру. Наверное, не случайно, ведь театр Гоцци требует во многом решений пластических и музыкальных, сочетание которых позволяет воссоздать сверхтеатральный мир комедии дель арте с его карнавальными красочностью и безудержным весельем.

Румынский режиссер Андрей Щербан давно известен в мире своей неукротимой фантазией, порою граничащей с кичем. В его постановках Князь Игорь из оперы Бо-

родина возвращался в разграбленный Путивль с «гуманитарной помощью» в аккуратных ящиках, а Евгений Онегин расхаживал по сцене в лаптях. Перегруженная деталями и театральными ассоциациями, его постановка «Сказок Гофмана» Оффенбаха в венской Штаатсопер превращалась в пособие по «режиссерской чрезмерности» для начинающих режиссеров. Первый Чеховский фестиваль познакомил Москву с совсем другим Щербаном. «Вишневый сад» в постановке Бухарестского театра выглядел серьезно и без излишеств, покоряя если не виртуозностью, то добротностью режиссерского подхода к Чехову. Спектакль «Король-олень» представил Щербана в «промежуточном» качестве: заводное, полное неожиданных деталей действо, которому, видимо, оттаяв от восточного колорита «Турандот», режиссер придал псевдоориенталистский характер, не выглядело перегруженным и покорило зал. Единственное, что явно не удалось Щербану и американским актерам, — это совсем крохотные, оставленные в американской версии трагические моменты, например урезанный монолог Анджелы. Тривиальная грубость дель арте была в большей степени «ма-

териалом Щербана», да и для пластичных актеров она была более родной. Правда, здесь на подмогу приходят Бермел, сокративший текстовые длинноты, и скромная по своим достоинствам музыка Эллиота Гольдентала, не позволяющие действию «провисать».

В версии АРТ «Король-олень» — варварская смесь всех известных азиатских театральных систем. Английский режиссер и сценограф Джули Теймор, поставившая пару лет назад «Саломею» Штрауса в Мариниском театре и получившая массу международных призов за «Царя Эдипа» Стравинского в японском спектакле с великой Джесси Норман, считается большим специалистом по аккуратно введению в спектакли кукол и теней. И на этот раз ее способности сильно увеличили шансы спектакля понравиться зрителю. В созданных Теймор костюмах, масках и пластике предстает варварская смесь из элементов театров китайского, японского, индонезийского и бог весть еще каких. Китайские бабочки и экзотические птицы, планирующие на тонких нитях над залом, куклы оленей и старика, в которого переселяется душа Дерамо, подвижные тени за обязательной ширмой в умелых руках кукло-

водов придают спектаклю особый колорит, как и живая голова Будды сценографа Майкла Йеаргана.

«Мелкие писак, привыкшие все поносить, наверное, обладают слабыми желудками, неспособными отделить и переварить в отдельности каждый род зерен в моих скромных представлениях, которые, каковы бы они ни были, пользуются успехом у публики», — писал Гоцци в предисловии к «Король-олень». В спектакле АРТ все составные части существуют параллельно, поэтому как раз очень легко переварить все зерна спектакля по отдельности. Отсутствие целого спишем за счет восстановления, которое, как правило, и дробит спектакль на составляющие. В финале, когда маг Дурандате, точно шекспировский Просперо, обещал расстаться с колдовством и заняться более полезными вещами (у Щербана — медициной), вдруг вспомнился «Остров рабов» Мариво—Стрелера на последнем Чеховском фестивале. Вот где единая стилистика и театральный бурлеск рождали ощущение счастья и радости. Но Щербан — не Стрелер, а американские театры так не похожи на европейские. И с этим приходится мириться...